

И-85

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

Институт истории

На правах рукописи

А. Р. ИСРАЕЛЯН

**КУЛЬТ И ВЕРОВАНИЯ В АРМЕНИИ В
ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ**

(по археологическим материалам)

575 „Археология“

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель — доктор
исторических наук А. А. Мартиросян

ЕРЕВАН—1968

Работа выполнена в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР.

Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор **А. А. Мартиросян.**

Оппонирующая организация: Государственный Исторический музей Армении.

Официальные оппоненты:

академик АН Армянской ССР, доктор исторических наук, профессор

С. Т. Еремян;

кандидат исторических наук **Г. А. Тирацян.**

Автореферат разослан « » 1968 г.

Защита диссертации состоится « » 19 г.

на заседании Совета Института истории АН Армянской ССР.

Отзывы просим направлять по адресу:

Ереван-1, Абовяна 15, ученому секретарю Института истории АН Арм. ССР.

Ученый секретарь Совета
Института истории АН Арм. ССР

(**С. М. АКОПЯН**)

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Настоящая работа, посвященная исследованию культа и верований племен Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железа, выполнена на основе археологических первоисточников, хранящихся в фондах Государственного Исторического музея Армении, краеведческих музеев Дилиджана, Кировакана и Камо, музеев истории Грузии и Азербайджана, а также в фондах Государственного Эрмитажа.

В течение целого столетия раскопочных работ в названных выше музеях СССР накопилось огромное количество глиняных каменных и бронзовых статуэток, бронзовых гравированных поясов, гравированных и орнаментированных предметов вооружения и керамики, предметов украшения и прочих вещей, служивших отправлению различных религиозных обрядов и церемоний или сохранивших на себе различные изображения и композиционные сюжеты культово-религиозного характера. Многие из этих вещей являются замечательными памятниками первобытного искусства и скрывают в себе художественно обобщенные комплексы представлений того времени, художественно отображают явления древней жизни первобытной Армении и богатые сюжеты наскальных изображений, которые насыщены самой различной «тематикой» первобытной идеологии и широко распространены в горах Армении.

Значительная часть вышеуказанных материалов (за исключением наскальных изображений) опубликована либо в работах общего характера, посвященных обсуждению самых различных археологических проблем, либо в мелкообъемных статьях, посвященных публикации отдельных памятников искусства и связанных с ними сугубо узких вопросов.

Счастливыми исключениями являются чрезвычайно важные исследования ряда арменоведов, историков-археологов (Н. Я. Марр, Я. И. Смирнов, М. Абемян, Г. А. Капанцян, Б. Б. Пиотровский и др.), посвященные вишапам, каменным стелам в горах Армении, а также некоторые малообъемные работы или отдельные разделы исследований, посвященных выявлению и разъяснению культового содержания обособленных групп памятников (Р. Вирхов, А. А. Миллер, Я. Гуммель, Б. Б. Пиотровский, А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканиан), отображающих лишь некоторые важные стороны первобытной религии.

Собрав воедино все указанные материалы, обследовав их в качестве источников по изучению надстроечных явлений, используя метод историко-археологического анализа с учетом чрезвычайно важных данных этнографии, фольклора, мифологии армян и народов Древнего Востока, автор настоящей работы пытается осмыслить, прежде всего для себя, привести во взаимосвязанную систему различные группы материалов и по мере своих возможностей обобщить их, облегчив, тем самым, дальнейшее, более полное и глубокое исследование проблемы.

В первой главе настоящей диссертационной работы приведен краткий обзор литературы с посильной оценкой основных исследований, с некоторыми критическими замечаниями и возражениями.

Особое внимание уделено работам Р. Вирхова, Ж. Де-Моргана, А. А. Миллера, Б. Б. Пиотровского, Б. А. Куфтина, А. А. Мартиросяна, Б. Н. Аракеяна, А. О. Мнацаканиана и других.

В целях привлечения сравнительного археологического материала использованы труды Дешелета, П. Амье, Н. Д. Флиттнер, Б. А. Рыбакова, А. Иеремиаса, Е. Акургала, Э. Потье, Р. Айстлайтнера, Ш. А. Амиранашвили и других авторов.

Для анализа композиционных изображений, сохранившихся на памятниках прикладного искусства, в использованных многочисленных этнографических, фольклорных, мифологических материалах особое внимание уделено научной литературе по Армении и Передней Азии. В их числе: армянскому народному эпосу, сказкам, загадкам, преданиям, басням,

сбору и исследованию которых посвятили себя такие видные представители арменистики, как Н. Адонц, М. Абемян, Г. Капанцян, Г. Матикян, И. А. Орбели, этнографы Г. Срванцян, Е. Лалаян, Х. Самвелян, современные исследователи К. Мелик-Оганджян, А. Ганалаян, С. Арутюнян, К. Мелик-Пашаян, А. Назинян, А. Одабашян и др.

При исследовании круга интересующих нас вопросов учтен и частично использован разносторонний богатый литературный материал, сохранившийся в гениальном произведении Мовсеса Хоренаци «История Армении», а также в трудах крупнейших средневековых мыслителей Агатангехоса, Езника Кохбаца, Павстоса Бюзанда, Анания Ширакаци.

Мифология, культы, верования, обряды древневосточных народов или же современных отсталых племен помогли восполнить пробел наших материалов. В этой связи использованы работы таких авторов, какими являются Ф. Ленорман, Дж. Фрезер, Г. Гуттербок, Гейнрих, С. Крамер, Джеймс, Д. Г. Редер и др.

ГЛАВА II

КОСМИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АРМЕНИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Общей и всеобъемлющей основой идеологических понятий культов и верований племен первобытной Армении являлись исконные представления о вселенной, о трех ее «горизонтах» или могущественных силах (небо, земля, вода), которые играли более чем существенную роль на заре образования первых охотничьих верований и культов, а затем и в складывании более сложных явлений духовной жизни скотоводческо-земледельческих племен. По меткому высказыванию Н. Я. Марра, «каждый предмет раньше мыслился космически, как часть коллектива, целого мира, впоследствии — одного из трех дифференцировавших в представлении человечества миров — верхнего (неба), нижнего (земли), преисподнего (моря)...» (Н. Я. Марр, О числительных, Сборник «Языковедные проблемы по числительным», стр. 52.)

Археологический материал, обнаруженный в разных областях Армянского нагорья как бы действительно иллюстри-

рует это четко оформленное наблюдение Н. Я. Марра. В дифференцированных поясах орнаментальных мотивов крашеной керамики эпохи средней бронзы выступают простейшие композиции, состоящие из символических кружков—светил, солнца и птиц, треугольников и волнистых линий, которые олицетворяют исконное представление об основных элементах вселенной.

В настоящей главе диссертационной работы обстоятельно исследованы гидрии и амфоры из Кировакана, Севанского бассейна, Кармира, Шамшадина и других мест, культовая орнаментация которых связывается именно с космическими понятиями носителей этой культуры.

Среди многочисленных археологических памятников, отображающих понятия, связанные с космическим миром, особо выделяется недавно опубликованная К. Г. Кафадаряном глиняная стела жертвенника из доурартского капища Двина. Поверхность ее покрыта расположенными в нескольких горизонтальных рядах налепными изображениями.

В двух верхних рядах симметрично прилеплены человеческие барельефные головы, представляющие, вероятно, небесный мир или какое-либо созвездие, связанное одновременно и с культом предков. Ниже олицетворена водная стихия с помощью рельефно изображенной змеиной фигуры, а еще ниже—земля, представленная густыми треугольниками гор. Указанная стела двинского капища представляет большой интерес не только для исследования космических представлений непосредственных предков армян, но и с точки зрения первобытного искусства.

Из того же древнего капища или святилища Двина происходят крупные глиняные сосуды, разукрашенные налепными и гравированными композиционными изображениями. На них имеются не только символические знаки, представляющие разные силы стихии, но и изображения животных, антропоморфные божества солнца, грома-молнии, в качестве покровителей животных.

Изображения, символизирующие элементы вселенной, имеются почти на всех памятниках первобытной Армении. Например, каменные стелы—вишапы в горах Армении, представляемые часто в виде статуй колоссальных рыб, носят на

себе рельефные изображения бычьих голов, птиц, змей, представителей разных миров. В диссертационной работе изваяния вишапов Армении рассматриваются в ближайшей аналогии с золотой рыбой из Фетерсфелда, на которой также вычеканены представители трех миров: хищники, порхающие птицы, мелкие рыбки и получеловеческие-полурыбы фантастические существа.

Без преувеличения можно сказать, что все сюжетные изображения Армении в эпоху поздней бронзы связаны с космическими представлениями туземцев. Это особенно касается бронзовых поясов с гравированными охотничьими сценами и нескольких изображений с подобными же рисунками, выбитыми каменным отбойником на гладкой поверхности камня. В этих композиционных рисунках очень часто выступают двойники космических тел, антропоморфные божества солнца, луны, грома-молнии и других существ, иногда в ситуации беспощадной борьбы, иногда в значении богов плодородия, покровителей животных и т. п. и т. д.

Плохо представляя их, не зная легенд и мифов, связанных с их возникновением, божественными функциями, титанической космической борьбой и другими весьма важными подробностями, мы точно знаем, однако, что все эти изображения в своем человеческом облике носили жизнеутверждающие, оплодотворяющие силы стихии, точно так же, как герои народного эпоса армян и все их потомки, не только воплощающие в себе яркие черты космических существ, но и самим актом своего чудодейственного зачатия и рождения, являлись истинными «сыновьями» вселенной.

По меткому замечанию И. Орбели, «герои утрачивают способность взлетать на чудесном небесно-морском коне из самых глубин моря к палящему диску солнца для того, чтобы поселиться прочно на земле, бессознательно для себя сохраняя связь лишь с одной стихией, стихией особо живительной—водой, и чтобы, наконец, уйти в недра земли. Тем самым они завершают исконное для человечества представлений о трех небесах — верхнем, на которое вознес Санасара, чтобы спалить его солнцем, дивный конь,— водном, из глубин которого вынес Санасара его дивный конь,— и нижнем — недрах земли, в которые ушел в ожидании перестройки мира Мгер Младший». («Давид Сасунский», М.—Л., 1939, стр. XXV).

Возможно, что боги, изображенные на поясах и скалах, по верованиям древних, выходили из пламени тростника пурпурного моря небес, когда в муках родовых лежали земля, и море, и небо, как при рождении юного бога языческих армян Ваагна, с огненными волосами и бородой, с глазами «(словно два) солнышка». Это тем более вероятно по той причине, что в нескольких композициях чрезвычайно много божественных искрящихся «лучистых» изображений; с символическими знаками космических тел. Возможно, что среди них бывали и близнецы, как Санасар и Багдасар, зачатые матерью богиней от родниковой воды. Ясно только то, что космические представления насельников Армении поздней бронзовой эпохи оставили глубочайшие следы, так ярко выступающие не только в народном эпосе, но и в мифах, сказках, загадках, преданиях и в общей этнографии армян.

На основе формальной близости изображений космических существ в памятниках искусства на широкой территории Армянского нагорья, Северной Месопотамии и северо-западного Ирана, в древнейшем очаге хурритоязычных племен, и исходя из наличия целого ряда особенностей, близко связывающих героев народного эпоса армян и хурритских космических божеств, в диссертационной работе делается попытка показать, что общие для эпохи бронзы и раннеармянского периода космические представления возникли в медной хурритоязычной среде, где-то на пороге эпохи медно-каменного века, на фоне древневосточной мифологии. Для указанной среды одинаково характерны первородный океан, представляемый в образе богини-матери, родившей небо и землю, космических богов-титанов. Совершенно идентичны подробности рождения и судеб космических божеств или героев, их связь одновременно с морской пучиной, солнцем и молнией. Кроме ряда других совпадений имеются также и топонимические параллели. Как в армянском эпосе, так и в восточных мифах первоначалом и воссоздательницей является мать богиня. Здесь она выступает в облике проматери Цовинар, которая беременеет от воды и рождает мифических титанов близнецов — Санасара и Багдасара, которые в свою очередь, носят в себе все качества небесных божеств — грома-молнии. Такое же создание и огненный конь Санасара — Куркик Джалали,

который, как небесное божество, связывает три стихии — воду, землю, небо.

При всем этом, мы весьма далеки от идеи отождествления и огульного сопоставления ряда древнеармянских и древневосточных мифов, хотя глубоко убеждены в общности их истоков и сюжетов, в наличии их генетических связей. Новым доказательством связи космических представлений населения эпохи бронзы и раннеармянского периода является пектораль, найденная в Армавире и отнесенная к ахеменидскому времени, она сконструирована из изображений птиц, древ жизни и рыб, отображая культ воды, неба и земли. Идея трех миров выявляется в упомянутом выше гениальном мифе о древнеармянском боге Ваагне, при богатырском рождении которого, как указывает М. Абегиан, равно рожали и небо, и земля, и вода. Красочное представление того же мировоззрения армяноязычников мы видим также в произведении знаменитого философа V века Езника Кохбацци.

ГЛАВА III

КУЛЬТ СОЛНЦА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, ОТОБРАЖАЮЩИЕ ЕГО

В верованиях и идеологических представлениях племен и народов Армении на протяжении тысячелетий почитание солнца занимало одно из главных мест, если не самое главное.

Как для всех первобытных племен, так и для древнего населения Армении, характерно представление о непосредственной связи солнца с изображением колеса, вернее, с многоспицным или «лучистым» колесом». Об этом свидетельствуют весьма часто встречающиеся в археологических комплексах конца II и начала I тысячелетий до н. э. бронзовые диски с лучистой орнаментацией, отлитыми на них или же подвешанными на цепочках ажурными фигурками птиц.

В погребениях Лчашена, Шамшадина, Ахталы, Редкина лагеря и т. д. встречаются также рельефно орнаментированные или гравированные бронзовые и сурьмяные кресты, свастики или же диски с крестообразной сердцевинкой, которые в

своем большинстве связаны с почитанием солнца. Описание солнечного божества в труде известного теолога V века н. э. Езника Кохбаци настолько близко к приведенным выше солнечным дискам, как будто прямо скопировано с них.

Зачастую геометрические изображения, символизирующие солнце, связаны со знаками других небесных светил, как это наблюдается на бронзовом поясе, датированным VIII в. до н. э. (Кировакан), большая лучистая звезда солнца, окруженная более мелкими звездочками, составляет группу из семи небесных тел или целое солнечное созвездие.

Мотивы, связанные с почитанием солнца, встречаются также на керамических изделиях. Это рельефные полукружья на верхней половине сосудов с многочисленными радиальными лучами, исходящими из центрального выступа-бугорочка. Вся композиция этого украшения как бы представляет собой солнце, светящее в небосводе.

Сходство изображения солнца с колесом, естественно, влекло за собою семантическую связь между солнцем, повозкой, колесницей. Такого типа мифические сюжеты выгравированы на бронзовых поясах Армении, которые могут быть интерпретированы отчасти с помощью армянских и восточных мифов, сказок и загадок.

Согласно представлениям наших предков, солнце совершало свой небесный круговорот на повозке или колеснице, запряженной огненными конями или быками.

На обломке бронзового пояса, раскопанном Ж. Де-морганом в Ахтале, в одном из погребений VIII в. до н. э., выгравирована двухколесная телега, запряженная лошадьми с человекообразным погонщиком, который держит в руке дисконвидный предмет. Можно предположить, что сидящее в телеге существо является самим божеством солнца.

Бронзовые пояса из Лчашена, Хачбулаха также имеют небесные сюжеты: на них изображены божества солнца и грома-молнии, в сопровождении боевых колесниц.

Согласно древним представлениям, божество солнца появлялось на небосводе или в небесном пурпурном океане также в ладье.

Памятники первобытного искусства Армении и их многочисленные аналогии в странах старого и нового света указы-

вают на чрезвычайно древние истоки этого представления. Наскальные рисунки, найденные у подножьев вершин Арагаца, изображают именно сидящих в ладье антропоморфных фигур в окружении символических небесных знаков и отражают местные мифологические представления и хорошо увязываются с армянским фольклорным материалом, истоки которого, несомненно, нужно искать в сфере формирования ранне-земледельческого скотоводческого хозяйства, не позже V—IV тысячелетий до н. э.

В памятниках первобытного искусства антропоморфные божества солнца изображались также без колесницы или ладьи. Интересные композиции на бронзовых ножнах из Ворнака, на которых большой лучистый солнечный диск изображен над антропоморфной фигурой с поднятыми вверх руками.

Большой интерес представляют также изображения различных животных, символизирующих солнце.

В армянском народном фольклоре солнце, как указано М. Абегианом и другими исследователями, представляется в облике птицы.

Выше были описаны диски, с подвешенными фигурками птиц, заменяющие ажурные круглые колокольчики.

На крашеной керамике середины II тысячелетия до н. э. в геометрических поясах, символизирующих небо, солнечные диски сопровождаются почти повсеместно изображениями водных птиц. Здесь уместно напомнить функцию солнечного божества в образе сасунского богатыря Мгера (Мгер-солнце), неотступно выступающего вместе с вороном.

Армянские этнографические и фольклорные данные чаще всего фиксируют следы почитания вестников весны — ласточки и журавля, связанных с идеей пробуждения природы. Надо предполагать, что изображения птиц на бронзовых поясах Армении символизируют собой именно весеннее солнце.

Но не только одни птицы представляют его. Исследование показывает, что солнце в различные времена года представлялось в образе самых разнообразных животных.

Весеннему солнцу-птице следовало летнее палящее солнце в облике льва. Подобные лвиные изображения с большими солнечными дисками на торсе чаще всего выступают на закавказских бронзовых поясах.

Львиный образ летнего палящего солнца характерен для Армении и всей Передней Азии.

Семантическая связь солнца и льва чудесно отражена в армянском фольклоре. В эпосе «Сасна Црер» сасунский богатырь Мгер — Мигр-солнце носит также прозвище «львинообразный», «львиноборец». Мгер убивает льва именно летом.

Можно предположить, что в дохристианской Армении Мгер, лев-Мгер, почитался как летнее солнце. О связи льва и солнца свидетельствует народное верование, сохранившееся у мыслителя VII века А. Ширакаци, согласно которому окровавленная лапа льва (звезды) предвещает затмение солнца.

Как мы уже видели в приведенных выше описаниях, в доармянской и раннеармянской религиозной идеологии с почитанием солнца была связана также и лошадь.

Свидетельство Ксенофонта (V в. до н. э.) о том, что в древней Армении лошади считались животными, посвященными солнцу и приносились в жертву, вполне четко отражает исконно древнее представление о связи солнца и лошади. Эта связь наблюдается не только в композициях бронзовых поясов, с изображением лошадей с солнечными знаками, или же колесницу с антропоморфными существами и астральными символами, но и в многочисленных сказках, преданиях, обычаях, где огненный конь, живущий на дне морском, переносит своего героя с одного берега моря на другой, или с поверхности моря возносит до солнечного диска.

Несомненно, это свойство чудесных коней отображают в народном представлении наблюдение вращения, «продвижения» солнца в небесном океане от одного его берега до другого, с момента восхода его из глубин морских до захода (в воды океана).

Согласно представлениям древнего мира, солнце, купаясь в морских водах, вновь омолаживается и крепнет. Таковыми были и сасунские богатыри — солнце-Мгер, Санасар-Багдасар (молния-гром), которые, опускаясь на морское дно, возвращались полные новых сил.

В чудесном предании, записанном Г. Срванцтяном, в Западной Армении, описано свойство солнца: купаться в воде и вновь омолаживаться.

Связь солнца и воды изображена также в хеттских надписях, согласно которым главный центр этого божества

(солнца) — город Арина — в дословном переводе с хеттского означает «родник».

В иных памятниках искусства эпохи поздней бронзы в качестве воплощения солнца выступает бык. Однако, на основе имеющегося материала нам удалось выявить образ быка, связанного больше с почитанием грома-молнии и плодородия.

Итак, комплексное изучение данных археологии, этнографии и фольклора свидетельствуют о том, что культ солнца, вполне оформленный в Армении в эпоху бронзы, в полной мере сохранился в языческой армянской среде, в некоторых случаях даже в позднем средневековье. В народном фольклоре наших дней все еще сохраняются достаточно сильные его пережитки.

ГЛАВА IV

НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА И ИХ ПОЧИТАНИЕ

Небесные светила в эпоху бронзы почитались так же, как и солнце. Поэтому в памятниках изобразительного искусства того времени встречаются отдельные знаки или целые группы символов светил. Они особенно часто встречаются среди десятков наскальных изображений Гегамских гор. Возможно, что таковые олицетворяют целые созвездия, которые особенно хорошо наблюдались с высоких гор Армении. Аналогичные мотивы композиционных сюжетов, изображающих звездное небо, имеются в наскальных изображениях Арагацотна, Сюника, Вайоц-дзора и других горных массивов.

На этих рисунках наряду с отдельными светилами или созвездиями, переданными в геометрических формах, изображались также козы, олени, быки, хищники.

Согласно представлениям первобытного человека и данным шумерских мифов, армянского фольклора и других источников, эти животные могли быть восприняты как небесные светила — звезды и планеты.

Рассматриваемые в диссертационной работе мотивы наскальных изображений Арагаца и Гегамских гор, а значит и выраженные ими понятия, сохраняются в Армении с древнейших времен до эпохи поздней бронзы и раннеармянского периода.

Особенно ярко они выступают в животной орнаментации бронзовых поясов конца II и начала I тысячелетия до н. э.

Одни из этих поясов (Калакент) носят на себе гравированные изображения коз, оленей и ягненка.

Другой, происходящий также из калакентского могильника (погр. 47), украшен фигурами самых разнообразных животных: диких коз, грифонов, птиц, лошади, быка, двуглавых ослов и змеи — в динамической, беспокойной ситуации. Находящиеся между этими фигурами крест, многокрылая звезда и звездовидный цветочек на хвосте одного из животных указывают на их небесное происхождение и как бы иллюстрируют две армянские загадки. В одной из них животное с усаженным на хвосте цветком (звездочкой) принимается за светило, в другой — звездный небосвод представляется в виде стада овец со своим пастухом.

Небесные светила изображались также в виде птиц, которые встречаются на калакентских поясах. Образцами птиц-светил обильны также армянские народные загадки.

Так мыслился небосвод и во времена известного армянского средневекового мыслителя, математика и астронома VII века Анания Ширакаци. По его словам, зодиакальные созвездия имели облик разных животных. Существовало 12 созвездий, каждое из коих имело в зодиаке свое изображение (свой знак) и соответствовало какому-либо определенному месяцу года.

В наскальных изображениях Гегамских гор мы находим все зодиакальные символы в образе скорпиона, козы, быка, стрельца, овна, рака и других выдолбленных в камне изображений, наличие которых свидетельствует о почтенной древности возникновения зодиакальных представлений в Армении.

Некоторые прекрасно гравированные бронзовые пояса (Нор Байзет, Кулиджан) отличаются обилием рисунков разнообразных животных и своеобразными сюжетами, неразрывно связанными с наскальными изображениями. Это — изображенные среди геометрических орнаментов сильно стилизованные козы и олени с кольцевидными конечностями ног.

Однако, с зодиакальными представлениями были связаны не одни только зооморфные изображения. Было много и других культовых предметов, олицетворяющих целые созвездия.

Из Ленинакана и Севанского бассейна известно несколько бронзовых штандартов, составленных из семи вырезанных звездообразных фигур, соединенных к ромбовидному ядру, к которому примыкают также два диска со стилизованной бычьей головой посередине.

Подобные бычьи головы вырезаны также в каждой звездообразной фигуре. Можно предположить, что эта группа небесных тел представляет собой «бычье созвездие».

Из философского сочинения Езника Кохбаци (V в. н. э.) отчетливо видно, что среди армян раннехристианского времени эти древние зодиакальные представления продолжали существовать; и в облике животных люди продолжали видеть небесные светила или их группы.

ГЛАВА V

ПОЧИТАНИЕ ГРОМА-МОЛНИИ

Из фольклорных, этнографических и историографических исследований давно уже известно, что среди племен Армянского нагорья предметом почитания являлись также гром и молния.

Как отмечает М. Абемян, в народном мышлении стихия, буря олицетворялись всегда в образе вишапа.

«Вишاپ по древним и современным народным представлениям, — пишет М. Абемян, — является олицетворением смерча, бури и бурлящегося облака, как раз сама буря, с густыми тучами, молнией и громом, это — злой дух, чьим прообразом является змей, который и выступает в образе большой змеи, но как небесное существо часто меняет свой облик и принимает разные образы».

В сочинении Езника Кохбаци «вишاپ» так и представлен в качестве большой рыбы или существа двуликого, земноводного характера. Это определение довольно близко подходит каменным статуям колоссальных рыб в горах Армении, которые в народе называются именно «вишапами». Нам кажется, что в разных рельефах этих крупных скульптурных изображений эпохи бронзы совершенно четко выступает основное свойство, выраженное в изменении внешнего облика.

Часто изображаемые, например, на рыбьих фигурах рельефные головы быков слишком близко напоминают сведения Езника о том, что «поднимающийся вишар» (т. е. смерч) имел облик быка. Равным образом, в армянских народных загадках гром и молния сравниваются с быком или короной.

Как в Армении, так и в странах Древнего Востока понятия грома-молнии олицетворены в образах быка, лошади, юноши и т. д. Среди подобных существ весьма интересен, по аналогии к нашим вишарам, хеттский бог грома-молнии Дата, который также назывался «небесным могучим быком».

Как нам сообщил хеттолог В. Н. Хачатрян, в хеттских надписях сохранилось сведение о том, что бронзовая статуя Даты в образе рыбы была поставлена в городе Хуршалаши у родника. Можно предположить, что эта статуя с «рыбьей мордой» должна была походить на наши стелы-вишары. Однако, хеттский бог Дата представляется не только в облике рыбы или «дикого могучего быка», но и в образе вооруженного мужчины, как урартский громовик Тешуб, стоящий на быке, или армянский Ваагн-драконоборец.

На золотых чашах хурритской работы (XII—IX вв.), найденных при раскопках Хасанлу (Иран), боги погоды (стихии) изображены в колесницах в бычьей или муловой упряжке. Из рта одного из небесных быков изливаются мощные струи воды, точно так же, как это мы видим на стилизованных лошадиных и бычьих головах наших каменных вишаров.

Это, несомненно, изображение небесной воды, созданной богом грома-молнии.

На каменных вишарах Армении кроме рельефных изображений быков, лошадей (?) представлены также птицы, которые похожи на журавлей, т. е. на существа, связанные с водой. Эти изображения дают основание предполагать, что и птицы могли являться одним из олицетворений грома-молнии.

Прекрасные изображения вишаров-птиц, сохранившихся в Гегамских и Сюнийских горах, находят свои яркие параллели в армянских народных загадках, в которых божества грома-молнии отождествляются с птицей или мыслятся как птицы. Представление о птице-вишаре, связанное с почитанием грома-молнии, очевидно, было распространено на Древнем Востоке, как это видно из композиции сосуда V тысячелетия из Саммарры.

Таким образом, нам кажется, что рельефные изображения быка, змеи, птицы на каменных стелах-вишарах являются выражением разных свойств и соответственно разных образов грома-молнии.

Многоликие вишары грома и молнии изображаются также на бронзовом поясе, найденном в Карабахе (Эрмитаж), который носит на себе символизирующие небо, землю и воду геометрические орнаменты, и в этой же среде — гравированные фигуры птиц-пресмыкающихся с головой овна, козе-рыбы и быка.

Особого внимания достойны из них козе-рыбы, которые в древневосточных материалах искусства очень часто выступают вместе.

Однако, схожие религиозно-мифические сюжеты на Древнем Востоке и в Армянском нагорье в эпоху бронзы получают различную, совершенно своеобразную трактовку фигур в памятниках искусства. Так, на бронзовой пластине Эрмитажа (Карабах) символы грома-молнии изображены в виде отдельных фигур козы и змеи. Те же самые фигуры в наскальных изображениях Гегамских гор и Арагаца выступают в одном синкретическом рисунке козе-змеи и сильно напоминают блеснувшие в тучах молнии.

Среди наскальных изображений Гегамских и Сюнийских гор подобные изображения козе-змеи, известных в армянской мифологии под названием «вишарках», встречаются весьма часто и свидетельствуют о могучей силе культа грома-молнии.

Идею молнии-грома воплощает также ряд других предметов позднебронзовой эпохи, среди которых привлекает особое внимание групповая скульптурная композиция, состоящая из бронзовых статуэток быка и двух коз, стоящих на нижней ступеньке штандарта быка (Лчашен).

Культе грома-молнии, вполне оформившийся, вероятно, в энеолитическую эпоху (V—IV тыс. до н. э.) ранее земледельческой скотоводческой культуры, получает свое дальнейшее развитие в годы владычества в Армении древневосточного Урартского царства.

Об этом говорят не только связанные с ними изображения фантастических змей-драконов на урартских печатях, окруженных символами небесных светил, но и многочисленные изображения бога (Тейшебы на быке или символов его

в виде рельефно изображенной молнии. Возможно, что с понятием «вишапакахов» связаны также раннеармянские золотые ритоны, наделенные змеиным корпусом и козлиной головой.

Символы грома-молнии на предметах эпохи бронзы часто изображены вместе с существами или знаками, символизирующими солнце. Это не случайно. Исследование древнеармянской, восточной мифологии и фольклорного материала показывает, что громовики и солнечные божества носят в себе настолько идентичные черты и особенности, что порой трудно их различить. Очень часто символы солнца и грома-молнии выступают вместе. Интересен в этой связи и бронзовый пояс из погребения № 36 калакентского могильника, на котором изображены символизирующие солнце львы и сопровождающие их свастики и воплощающие идею грома-молнии козы и змеи.

На бронзовых поясах встречаются также божества грома-молнии в образе антропоморфных фигур, вместе с подобными же божествами солнца.

Таковыми сюжетами заняты поверхности бронзовых поясов Лчашена и Хачбулаха. Оба божества изображены на них в сопровождении колесниц, по которым можно предположить, что божество грома-молнии, подобно солнцу, появлялось в колеснице, запряженной лошадьми. Во многих древневосточных мифах многие боги погоды (стихии) выступают в том же виде, как они изображены на бронзовых поясах Армении.

Герои армянского эпоса Санасар и Багдасар, наделенные функциями божества грома-молнии, представляются всегда верхом на коне цвета морской сини, морского происхождения и в то же время огненный, «огнедышащий» конь сасунских героев, наделенный мудростью и даром речи, являясь истинным воплощением грома-молнии, одновременно служит богу солнца — Мгеру.

Бог Ваагн, как указывает М. Абебян, в раннеармянских религиозных представлениях первоначально был существом, носящим в себе качества грома-молнии, и его борьба с вишапом-демоном рассматривается как борьба громовика. Впоследствии Ваагн приобретает также функции солнечного божества. Важно отметить, что на арагацских и варденисских

наскальных изображениях мифического характера можно показать изображения борьбы богатырей с великанами-вишапами, которые, возможно, носят в себе близкие мифу Ваагна сюжеты.

Подробным анализом наскальных изображений Арагаца, Вардениса, Гегамских и Сюгийских гор можно показать не только истоки предания о драконоборце Ваагне, но и корни не менее интересного другого мифа об Артавазде-змееборце, который целым рядом своих особенностей приближается к грузинскому солнечному божеству Амирану.

Символы грома-молнии и солнца почти всегда совместно изображаются и на предметах вооружения в виде змеобразных молний, коз, свастик, крестов, спиралей. Подобная орнаментация оружия эпохи бронзы хорошо увязывается с наличием «меча-молний» у сасунских героев, само название которого подсказывает нам семантическую связь между гравировкой оружия эпохи бронзы и армянским названием.

Об очень древнем происхождении понятия сверхъестественной силы оружия, меча-молнии сасунских богатырей свидетельствует не только упомянутая выше орнаментика предметов вооружения, но и наличие подобных понятий, подобного оружия в мифах хурритов, древнейших насельников Армении и Северной Месопотамии.

ГЛАВА VI

ОХОТНИЧЬИ СЦЕНЫ НА БРОНЗОВЫХ ПОЯСАХ

Для рассмотрения и анализа немногочисленных охотничьих сцен бронзовых поясов Армянского нагорья использованы аналогичные материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа из Грузии и Северного Кавказа, которые весьма удачно дополняют наши сведения в указанном аспекте и способствуют воссозданию более полной картины охотничьих культов и верований. Весьма разнообразные сюжеты охоты, изображенные на гравированных рисунках этих поясов и многократно описанные в археологической литературе, сводятся к простым или сложным композициям, в которых представле-

ны пешие или верховые антропоморфные фигуры охотников, вооруженных луком и стрелой, ряженных, носящих птичьи или звериные маски. Порою они преследуют диких быков и лошадей, следовавших в определенном, статичном строе (Севан, Лалвар); иногда они находятся в гуще весьма динамичных и разнообразных, реальных и фантастических животных одиночками, группами, в сопровождении собак или без них; иногда они слишком стилизованы и представлены на фоне деревьев жизни (Ани-Пемза и Заким) в качестве охотничьих духов и божеств. Но во всех случаях, все изображения этих поясов связаны с астральными знаками, с космическими представлениями трех миров, точно так же, как позднейшее охотничье божество Айк, предок и эпоним армян, выступает в сцене охоты на животных, представляющих собою небесные светила. Да и сам Айк по подобию Ориона превращается в звезду, образует свое созвездие Айк-Ориона.

Это обстоятельство недвусмысленно показывает, что композиции охотничьих сцен бронзовых поясов Кавказа не являются изображениями реальных сцен охоты, а имеют культовое значение, связанное не только с охотничьей магией и космическими представлениями, но и с культом предков, отважных охотников, души которых находились на небе, звездах и солнце и были готовы своим чудодейственным вмешательством помочь живущим сородичам во всех их земных делах.

Культовые сцены, связанные с охотой, изображаются в эпоху бронзы и раннего железа не только на бронзовых поясах, но и на керамике Килик-Дага, Ханлара, Двина, где в роли охотников часто выступают божества или духи — покровители охоты, в окружении диких животных и астральных символов. Наибольший интерес из указанных материалов представляют уникальные пока двинские карасы доармянского святилища, на которых наклепными фигурами представлены не только сцены охоты, но и скотоводства. На поверхности одного из подобных карасов, в центре композиции, представлен образ божества или духа, покровительствующего животным, с распростертыми руками, растопыренными пальцами и «лучистой» головой в окружении диких и хищных животных.

В отдельных горизонтальных поясах, покрывающих сосуд, наклепными фигурами змей, врезными кружочками и

рельефным выступом отображены вода, небесные тела и горы.

Кавказская мифология полна образами охотничьих божеств и духов, а этнография дает очень яркое представление об охотничьих обрядах и верованиях.

Подлинными памятниками охотничьих культов и обрядов являются наскальные изображения Арагаца, Сюника, Вардениса и Гегамских гор, богатые всевозможными сценами индивидуальной и групповой охоты, в сопровождении собак, с устройством загонов, ловушек, с применением всевозможных хитроумных приемов. В ряде наскальных рисунков показаны божества и духи, обрядовые танцы и пр. Многие из этих композиций соответствуют сюжетным изображениям бронзовых поясов и хронологически, и в деталях. Другие относятся к более древним этапам культуры Армении и указывают на то, что охотничьи сцены в искусстве Армении возникли в V—IV тыс. до н. э. Новое влечение «искусствоведов» древней Армении в эпоху поздней бронзы было вызвано, по-видимому, тем обстоятельством, что наряду с земледелием и скотоводством в указанное время большое место занимала также охота, которая переживала свой второй расцвет полного оформления полукочевой формы скотоводства и захвата новых земель за счет освоения лесов. Следствием этого явилось большое разнообразие, многочисленность и широкая распространенность всевозможных памятников изобразительного искусства, связанных с охотничьими культурами и ритуалами.

Охотничьи сцены изображаются также на урартских бронзовых поясах Армении VIII—VII веков до н. э.

Сравнительному исследованию этих поясов посвящена часть настоящей главы. На урартских поясах выступают не только верховые и пешие, но и воины-охотники, вельможи и цари, мчащиеся на колесницах. Подобные сюжеты наиболее пышно и богато представлены ныне и в росписи, обнаруженной в 1967 году в цитадели города Эребуни, отличающейся высоким мастерством исполнения и тонкими тонами красок. Они с полным правом могут быть причислены к лучшим образцам искусства Древнего Востока.

Фрески такого типа в последнее время были обнаружены в одной из урартских крепостей северо-западной провинции царства, в крепости-городе Алтин-тепе, недалеко от Ерзника.

Описанные урартские памятники хотя имеют религиозно-магический обрядовый характер, однако способами выражения весьма реалистичны и отображают сцены королевской охоты, жертвоприношения и других религиозных обрядов в совершенно реальных и применяемых в жизни формах.

В отличие от памятников бронзового века, на урартских поясах охотники выступают как воины регулярной армии в своем снаряжении, доспехах, в совершенно реальных изображениях, тогда как охотники эпохи бронзы находятся в обстановке бушующей стихии вселенной, являются подлинными ее сыновьями, со всеми атрибутами своего первобытного мышления.

Из сопоставления этих различных групп поясов ясно видно, что охотники эпохи бронзы полагались более на силы стихии, являясь ее частицей, тогда как урартские охотники больше опираются на силу регулярно-организованных воинских отрядов царя.

Доурартские и урартские памятники искусства выявляют, таким образом, довольно резкие отличительные черты, связанные с различными хозяйственно-экономическими уровнями и соответствующими специфическими религиозными системами, разные сюжеты памятников искусства, олицетворяющие специфические религиозные обряды.

Рассматривая охотничьи сцены на всех памятниках искусства от V тысячелетия до VIII века (до н. э.), мы приходим к выводу, что возникнув однажды на пороге мезолит-неолита, охотничьи культы, верования и обряды продолжали существовать и развиваться в Армении, вплоть до образования Армянского царства, армянского языческого пантеона, хотя каждая эпоха вносила в эту систему свои существенные коррективы как в сути, так и в формах изображения.

Более того, ритуальные обычаи (ношение масок, танцы и др.) сохранились в изображениях средневековых миниатюр, в средневековом театральном искусстве и в сегодняшней этнографии армян.

Будучи тесно связанными с природой, с ее различными явлениями, охотничьи верования и почитания, само собой, примыкают к более общему и всеобъемлющему культу плодородия. И это является причиной того, что божества, духи,

покровительствующие животным и лесам, в период примитивной охоты,— во время оседлого земледелия превращаются в божества полей, плодородия, как это правильно отмечает Б. Б. Пиотровский.

ГЛАВА VII

КУЛЬТ ПЛОДОРОДИЯ

Рассмотренные выше все культово-религиозные верования, обряды и церемонии, в конце концов, сливались в основную идею земледельческо-скотоводческих племен, в идею возобновления всей живой природы, животного и растительного мира, в идею продолжения поколения, умножения материальных благ и т. д. и т. п.

Все это вместе взятое синтезировалось в культе плодородия, которому посвящено колоссальное количество наскальных изображений V—I тысячелетий до н. э., глиняных статуэток нагих женщин и сельскохозяйственных животных III тысячелетия, а также масса других памятников более поздних времен.

Среди позднебронзовых и раннежелезных памятников культа плодородия, своим большим количеством, формальными особенностями и смысловым значением особо выделяются каменные изваяния женских идолов, представленные в сидячей позе с поднятыми вверх руками на краю зерновых ям, поблизости от очагов. На основе глубокого и тщательного исследования А. А. Мартиросян показал, что эти женские идолы отображают собою культ плодородия, носят в себе идею богини-матери и своим растительным орнаментом олицетворяют извечное синкретическое плодоносящее начало «мать—земля—дерево—женщина». Это общее первобытное представление было особенно распространено среди племен и народов Древнего Востока, где божества плодородия изображались либо в виде женского торса, выходящего из дерева, либо в виде полного изображения женщины с ветками на плечах. С оливковой веткой в руке изображалась в древней Армении также богиня плодородия Анаит, большим статуям которой подносились свежие колосья ячменя и пшеницы. В храмах

богини Анаит хранилось, по-видимому, также множество глиняных фаллических изваяний, как в сирийском храме Иштар.

Любопытно в этой связи наличие каменных фаллических фигур на кармирблурском, мецаморском и других поселениях эпохи бронзы и раннего железа, наряду с женскими идолами плодородия. Эти одинаково тесно связанные между собой два типа изваяний представляли двуединое начало культа плодородия, которое в древневосточных религиях выступало в сочетании образа богини плодородия или богини-матери со своим мужским двойником. Еще более непосредственно выражено это сочетание у некоторых современных примитивов в магическом акте оплодотворения дерева мужчинами. Вероятно, теми же функциями были наделены и жрецы священного дерева на Древнем Востоке или в Древнем Риме, где жрец ценою собственной жизни оберегал от лиц, старавшихся убить его самого и стать жрецом.

Судя по некоторым армянским этнографическим параллелям, сводящимся к магическому акту «ограбления» дерева жизни при народных весенних празднествах плодородия подобные культово-религиозные обычаи имели место также в первобытной Армении. Во всяком случае, мы можем ныне зафиксировать наличие изображений дерева и человека в памятниках прикладного искусства эпохи бронзы. На одном, сильно пострадавшем бронзовом поясе, обнаруженном в 1967 году С. А. Есаяном в Тазакенде, представлены священное дерево и стоящая перед ним человеческая фигура в окружении животных.

Такое композиционное построение по смысловому своему значению не отличается от религиозных мотивов многоцветных росписей урартских храмов, где в отдельных горизонтальных рядах чередуются изображения жрецов перед древами жизни и белоснежные фигуры животных. Такое сопоставление позволяет предполагать наличие фигуры жреца или самого божества плодородия на бронзовом поясе Тазакенда.

Мотив древа жизни и человека (духа, божества, жреца) становится чрезвычайно излюбленным в урартской религии и искусстве. Из всех изображений подобного характера наиболее содержательными и выдающимися по исполнению являются адильджевазские рельефы. На одной из скульптур

Адильджеваза представлена колоссальная фигура урартского бога-громовика Тейшебы. Бог стоит на спине быка и, по выражению издателя, обращен лицом к двум высеченным друг над другом трезубцам. Так называемые «трезубцы» адильджевазского рельефа представляют собою не что иное, как широко распространенную в урартском искусстве форму древа жизни, плодами вверх. На наш взгляд, в адильджевазском рельефе подчеркивается именно функция Тейшебы, бога стихии, бури и грома, в значении плодородия. Это и понятно. Боги стихии олицетворяли небесный океан, воду, дождь, наиболее важные факторы плодородия и продолжения всей органической жизни. Фигура быка, высеченная на адильджевазском рельефе, также прямо и непосредственно связывается с культом плодородия, как и Тейшеба. Это блестяще иллюстрируется армянским фольклорным материалом.

Не случайно, на каменных изваяниях колоссальных вишапов, посвященных культу грома-молнии, изображены барельефные головы быков с выливающимися из ртов струями воды, в своей прямой функции оплодотворения земли. Не случайно и то обстоятельство, что среди погребальных памятников эпохи бронзы не раз зафиксированы случаи выявления могил почитаемых быков (Лалвар, Севан и пр.) или же бронзовые их статуэтки (Лчашен, Зангезур, Карабах), которые невольно напоминают сообщение античного автора о наличии целых стад священных быков при храмах богини плодородия Анаит. Эти животные были посвящены ей одной, и она одна считалась хранительницей их. Уместно вспомнить здесь построение нового храма царем Лагаша Гудеа в честь бога стихии, молнии-грома Нингирсу. Этот бог, в образе нестрашимого небесного быка, должен был поселиться в храме вместе с владычицей Бау (коровой), дабы в результате сокопления с нею принести обилие водам Евфрата, посевам и нивам страны. Восточная религия полна такими приметами, когда мужским двойником богини плодородия или богини-матери является бык. Древнефиникийской богине плодородия Анат в образе быка явился умирающий и воскресающий бог Баал, а Анат рожала бычков. Следы подобных представлений мы видим в древнейших росписях Чатал-Уйюкских храмов (VI тыс. до н. э.) Центральной Анатолии, где, по свиде-

тельству Мелларта, представлены рельефные бычьи головы, рога, женские груди и росписные фигуры нагих женщин, целиком и полностью связанных с культом плодородия.

Итак, по приведенным выше материалам, в археологических и мифических культовых комплексах канонично присутствуют совершенно одинаковые компоненты: дерево, женские идолы или изображения божеств, фаллические фигуры или быки. В этой связи привлекают наше внимание хранящиеся в музеях Закавказья мелкие бронзовые статуэтки нагих женщин, фаллических фигур, мужчин, быков, коров и других животных. Среди подобных коллекций очень выделяется Ноемберянский клад, прежде всего бронзовыми статуэтками женщин-идолов с кувшином и рогом изобилия в руках. Они имеют сильно подчеркнутые груди, высокую прическу и ожерелье на шее. Нет сомнения, что в них воплощено само плодородие и изобилие, в подлинном смысле слова. Имеются здесь и мужские статуэтки, с круглыми щитами, при шлемах и вооружении, возможно, олицетворяющие силу стихийных божеств. По смысловому своему значению очень близко стоят к этим фигурам мужские статуэтки идентичного богатого клада бронзовых изделий (Степанцминда) из соседней Грузии, представленные на оленях.

Эти фаллические фигуры не имеют никакого облачения или вооружения, но связь их с силами вселенной, стихии и плодородия подчеркнута оленьими статуэтками, на которых они стоят. Как в Ноемберянском, так и в упомянутом кладе Грузии вместе с мужскими фигурами представлены тесно связанные с ними статуэтки быков и коров, лошади и разнообразных других животных, некоторые из которых отлиты с сильно подчеркнутыми грудями. Связь этих вещей с культом плодородия подтверждается и ритуальными обычаями армянских крестьян, которые под новый год специально для домашнего скота пекли изделия из теста в форме самых разнообразных сельскохозяйственных животных, кормили их ими, дабы в новом году получить обильный урожай, увеличить поголовье скота, создать настоящее изобилие. В Ноемберянском кладе нет только оленьих статуэток, весьма богато представленных в Грузии и в ряде памятников Передней Азии. Зато в качестве животных, символизирующих плодородие,

они выступают в нескольких изображениях на бронзовых поясах Армении (Иджеван, Сисиан, Ноемберян, Калакенд), часто вместе с детенышами и в сопровождении астральных знаков. На калакендском поясе из раскопок В. Белька изображены крупные благородные олени с характерными ветвистыми рогами, под сияющим солнечным диском, в прямой связи с культом плодородия. Еще более красноречива гравированная композиция на бронзовом поясе из села Енокаван Иджеванского р-на (раскопки С. А. Есяна). Здесь плодородие олицетворено в образе оленя с детенышами и выступающими рядом антропоморфными божественными фигурами вместе с небесной колесницей. Антропоморфная фигура, представленная в качестве охотника в львиной (?) маске и лучистом шлеме является, несомненно, богом солнца, чьи стрелы минуют самку с детенышем, но убивают самца. Как видно, верховное божество солнца выступает здесь в одном случае в качестве покровителя животных, в другом — в качестве покровителя охоты. Подобными сюжетами полны наскальные изображения Гегамских гор, где вместе с оленями и козами выступают лучистые, очень крупные фигуры богов солнца, грома-молнии в функции покровителей животных. Они часто представлены также на рисунках, изображающих магический акт оплодотворения животных.

В этих же наскальных изображениях выразителями идей плодородия, рядом с оленями, являются и козы, очень часто представленные целыми семействами, самкой, самцом и козлятами. Связь их с плодородием совершенно очевидна, так как, с другой стороны, они олицетворяют силу грома-молнии, особенно в изображениях со свастиками или лучистыми полукружьями над спиной и рогами. Изображения козлиных семейств встречаются также на камнях погребальных памятников пастушеских племен (Шамирам) или в горизонтальных полосках бронзовых поясов вместе с орнаментацией, символизирующей солнце, землю, дерево. Раскрытию внутреннего смысла поясов с подобной «козливой» орнаментацией помогают материалы урартского искусства Армении, в котором козлы почти повсеместно изображаются вместе с деревом жизни, а иногда и львиными фигурами (Аргиштихинили) — вестниками солнца. Этот характерный для урартского искусства

мотив выступает в материалах древнего Угарита в иной трактовке. Здесь на крышке из слоновой кости представлены резьбные фигуры козлов, которые обычно изображаются с двух сторон древа жизни. Однако, в этом случае вместо древа вырезана фигура богини-матери, которая держит в руках снопы травы и кормит козлов. Здесь связь идеи плодородия с козлами и деревом раскрыта вполне. Подобные мотивы так глубоко укоренились в Армении, что продолжали бытовать до позднего средневековья на орнаментальных поясах карасов X—XIII вв. с армянскими надписями. Но еще в IV в. н. э. персы называли полоненного ими героя армян, ненавистного им полководца Васака, козлиным отродьем, вероятно, имея в виду плодovitость армян.

Более того, еще в прошлом веке у армян был обычай во время засухи обливать водой чучело козлиной головы, чтобы вызвать дождь.

Таким образом, олицетворяя гром и молнию, коза была связана также с идеей небесной воды. Тем самым она символизировала культ плодородия.

Вынос козлиной головы во время ритуального шествия показывает также, что многие обряды и верования, связанные с культом плодородия еще со времен возникновения земледелия и скотоводства в эпоху неолита сохранились у армян также после принятия христианства и продолжали существовать до наших дней в виде пережитков.

Итак, в настоящей диссертационной работе на основании археологического, этнографического, фольклорно-мифологического материала мы стремились выяснить природу космических представлений древних насельников Армянского нагорья и суть связанных с этими представлениями охотничьих, земледельческо-скотоводческих культов. Это — культ солнца и небесных тел, почитание грома-молнии, ритуальные сцены охоты, культ плодородия.

При этом, вполне сознавая гипотетичность некоторых положений, мы глубоко убеждены в том, что рассмотренные явления духовной жизни эпохи поздней бронзы были тесно связаны с ранне-армянской идеологией, так как материал, приведенный в работе, охватывает большей частью X—VI вв. до н. э.— период, основным содержанием которого являлось

углубление процесса образования армянского народа, формирования его материальной и духовной культуры.

Эти этапы культуры Армении причудливо переплетены между собой; и если истоки языческой идеологии и религии ранних армян следует искать в глубинах традиционной культуры бронзового века, то ключом расшифровки доармянских идеологических представлений являются те сокровенные следы духовной культуры наших отдаленных предков, которые сохранились именно в армянских народных сказках, загадках, мифах, героическом эпосе.

Эти яркие памятники раннеармянской духовной культуры ведут нас к богатейшей сокровищнице протоармянской субари-хурритской идеологии, к их мифам, легендам, сказаниям, культово-религиозным представлениям.